

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

И Н С Т И Т У Т В О С Т О К О В Е Д Е Н И Я

С О В Е Т С К О Е
В О С Т О К О В Е Д Е Н И Е

IV

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1947 ЛЕНИНГРАД

А. А. ФРЕЙМАН

СОГДО-ХОРЕЗМИЙСКИЕ ДИАЛЕКТОЛОГИЧЕСКИЕ
ОТНОШЕНИЯ

(Опыт сравнительной характеристики)

Согдийский и хорезмийский языки — представители восточной группы иранских языков — засвидетельствованы в основном документами: первый — VIII в. и второй — XIII в. По своей стадии развития согдийский язык относится вместе с среднеперсидским, парфянским и сакским (хотанским) языками к языкам так называемого нами иранского языкового средневековья. Эта стадия развития характеризуется в основном разной степенью распада, упрощения древнеиранской морфологии и отчетливо выраженным аналитическим характером глагольных образований, а также, в разной степени, и выражения падежных отношений. Постепенное усиление аналитических тенденций является основным стержнем развития иранских языков. Оно отчетливо обнаруживается в среднеиранских языках, памятники которых отделены от языка памятников древнеиранских языков несколькими столетиями.

Ценность сравнительной характеристики согдийского и хорезмийского языков заключается прежде всего, как и любой другой подобной, в научно-теоретическом ее значении. В языках неродственных она позволяет наблюдать аналогичные, типологически сходные способы выражения сходных языковых знаков, иллюстрируя тесную связь двух сторон единого процесса: мышления, отраженного в языке. В родственных языках, как например, в данном случае, она помимо этого проливает свет на историю этих языков, способна показать развитие их языковой ткани. Но историко-генетическое сравнение древних родственных языков имеет кроме того еще практическое значение, являясь иногда единственным и во всяком случае основным способом проникновения в структуру этих языков. Оно помогло расшифровать древнеперсидские клинописные надписи, хеттские документы. Историко-сравнительная грамматика иранских языков помогла и помогает дешифровке согдийских и хорезмийских документов. Сравнение согдийского и хорезмийского языков в этом отношении особо ценно, несмотря на скудость документов, в которых последний засвидетельствован, и на то, что документы этих языков отделены друг от друга промежутком в пять столетий. Многовековое непосредственное соседство согдийцев и хорезмийцев не могло не сказаться на особой близости этих языков. Эта близость столь велика, что если бы были найдены хорезмийские документы более раннего времени, то отношение этих языков друг к другу могло бы быть определено, как отношение не языков, а диалектов. И вообще, иранские языки представляют собою тесную группу языков.

Отношение древнеперсидского к авестийскому языку, по устранении кажущихся отличий, обусловленных письменностью, вскрывается, как отношение диалектов. Отношение восточно-иранских языков друг к другу в эпоху раннего языкового средневековья было также отношением диалектов, как свидетельствует об этом Страбон, говоря, что их носители *ὁμοῦλωττοι παρὰ μικρόν*. Лишь ново-иранские языки являются языками далеко разошедшимися, и связь их устанавливается только исторически.

Иранская диалектография и диалектология находятся еще только в зачаточном состоянии. Современные живые иранские языки недостаточно изучены и описаны. Лингвистическая география только еще намечается. Языковые документы прошлого не изданы. Новые открытия делают необходимым пересмотр давно установленных взглядов на языки и их отношения. Совершенно естественно поэтому, что установление историко-диалектологических вех в нашей науке может быть сделано только *grasso modo*. Тем не менее от подобного пути отказаться невозможно, так как эта работа вносит некоторую предварительную ориентировку и помогает работе по дешифровке документов прошлого, имеющих большое лингвистическое и историческое значение.

Согдийский язык, язык Согда, как было сказано, засвидетельствован в основном документами VIII в. Эти документы — по преимуществу религиозного содержания — буддийского, христианского и манихейского — были добыты в начале нынешнего столетия археологическими экспедициями крупнейших стран Европы вместе с памятниками других языков, иранских и неиранских, и памятниками искусства в древних очагах культуры Центральной Азии. Сразу было замечено, что эти документы написаны на каком-то иранском языке. Но лишь сравнение некоторых календарных терминов, сохранившихся в манихейско-согдийских текстах с данными календарной и астрономической терминологии согдийцев и хорезмийцев, сохранившейся у арабского писателя X в. аль-Бируни, хорезмийца по происхождению, позволило притти к заключению, что язык этих документов — согдийский. Транслитерация этих документов не представляла затруднений, так как они написаны шрифтами северносемитического происхождения: буддийские (основные документы) — шрифтом, уже известным по уйгурским документам,¹ христианские — также известным сирийским, манихейские — особым манихейским, которым написаны и персидско-парфянские манихейские документы. Наличие этих трех письменностей у согдийцев Центральной Азии вызывалось особыми культовыми и связанными с последними особыми культурными запросами и условиями. Эти особые условия сказались не только в наличии отдельных письменностей, но они должны были приводить к более глубокому отчуждению, коль скоро язык, например, христианско-согдийских документов несколько отличается от языка остальных, представляя более молодую стадию развития. В 1933 г. экспедицией АН СССР в Таджикистане на горе Муг, на территории древнего Согда были найдены в засвидетельствованной арабскими нарративными источниками (ат-Табари) исторической обстановке остатки архива „Согдийского царя, Самаркандского господина Диваштича“ (как называет Диваштич себя сам и как его называют его корреспонденты).² Эти документы написаны тем же шрифтом, что и согдийско-буддийские документы Центральной

¹ Согдийский алфавит дал начало уйгурскому, последний — монгольскому и далее — манджурскому.

² Согдийский сборник. Л., 1934.

Азии, лишь несколько более курсивным. Они могут быть точно датированы первой четвертью VIII в. Они написаны, очевидно, на обычном для того времени согдийском языке деловых документов согдийских владетелей. Поскольку этот язык идентичен с языком согдийских (буддийских) документов Центральной Азии (за исключением, конечно, стиля), то этим самым окончательно подтверждается правильность высказанного ранее взгляда на языке этих документов, как о языке согдийском. Находки на горе Муг вызвали усиление интереса к истории Согда и прилегающих областей. Они стимулировали новые археологические экспедиции и привели к появлению некоторых новых находок, а также исследовательских работ, из которых в особенности работы в области согдийской нумизматики в свою очередь, помимо своих специальных исторических установок, также укрепляли за языком всех названных выше документов определение „согдийского“.¹

Изучение согдийского языка шло параллельно с изданием документов. Уже издана и согдийская грамматика.² Однако, если основная линия исследования намечена и ведется правильно, то, как и следовало ожидать, это изучение не может считаться ни законченным, ни вполне нас удовлетворяющим в частях, уже завершенных. Здесь весьма у места поговорка: *dies diem docet*. Почти каждый вновь изданный документ вносит новые факты, пополняющие наши сведения. Последние проливают новый свет на старые и заставляют отказаться от прежних, казалось бы, удовлетворительных толкований.

Наши сведения о конкретном хорезмийском языке относятся, как было сказано, к XIII в. и базируются в основном на обнаруженных в 1936 г. хорезмийских фразах, формулах брака, развода, клятвы, иска и т. п. в арабском сочинении хорезмийского законоведа XIII в. ал-Газмини.

В 1936 г. Институтом востоковедения АН была приобретена рукопись этого сочинения, к которой была пришта тетрадь, заключающая в себе, между прочим, словарь Джелал ал-Имади к указанному сочинению. В этом словаре хорезмийские фразы переведены частью на арабский, частью на персидский язык. Хорезмийский текст, написанный как и все сочинение арабским алфавитом, огласован. В сочинении свыше 3000 хорезмийских слов, некоторые из них повторяются. Все же этот материал, изучаемый сравнительно с другими иранскими языками, прежде всего с согдийским, позволяет составить себе известную картину хорезмийского языка XIII—XIV в.

Подробному анализу этого сочинения и предварительной характеристике хорезмийского языка посвящены две статьи в VII томе „Записок Института востоковедения“ (ЗИВ) (в настоящее время в ИВ подготовлено к печати издание этого сочинения с переводом, а также исследование содержащегося в нем хорезмийского языкового материала). Краткие предварительные сведения об этом источнике и языке напечатаны также Э. Валидовым и W. В. Henning'ом в журнале ZDMG (B. 90, SS. 30—36).

Перед этим источником отступают на второй план другие, ранее известные. В 1927 г. в журнале *Islamica* III, стр. 190—213, была напе-

¹ А. А. Фрейман. К имени согдийского икшила Гурека. Вестник древней истории, 1938, № 3. — О. И. Смирнова. О трех согдийских монетах. Вестник древней истории, 1939, № 1. — О. И. Смирнова. Новые данные по истории Согда VIII в. Вестник древней истории, 1939, № 4.

² R. Gauthiot. *Essai de Grammaire Sogdienne*. 1-е partie, Phonétique. Paris, 1914—1923. — E. Benveniste. *Essai de Grammaire Sogdienne*. 2-me partie, Morphologie, Syntaxe et Glossaire. Paris, 1929.

чатана статья Валидова об одном, аналогичном нашему, сочинении VIII в. Хорезмийские слова в этом тексте искажены. Однако теперь наши знания позволяют уяснить себе и восстановить искаженные слова. В этой же статье приведено несколько фраз на хорезмийском языке, находящихся в одной рукописи известного арабско-персидского словаря *مقدمة الادب*. Автор этого словаря, аз-Замахшари (XI—XII в.) — хорезмиец по происхождению — знал, конечно, хорезмийский язык. Эти фразы представляют, таким образом, образец хорезмийского языка XI—XII в., но они совершенно недостаточны для каких-либо выводов сравнительного характера. Кроме того, как было ранее сказано, хорезмийские календарные и астрономические термины приведены аль-Бируни, отдельные слова — у других писателей.

Хорезмийской археологической экспедицией в числе других ценнейших находок и достижений обнаружены недавно на территории Хорезма монеты.¹ Значительное их количество несомненно должно быть признано местными, хорезмийскими. Эти монеты, после их издания, окажутся весьма ценными языковыми документами, независимо от их значения, как исторических документов. Шрифт на легендах хорезмийских монет северно-семитического, арамейского происхождения. Он весьма напоминает шрифт уже изданных согдийских монет. В этом нет ничего удивительного, поскольку известно, что все иранские шрифты домусульманской эпохи — одного указанного происхождения. Шрифты двух соседних среднеазиатских народов должны быть особенно близкими, если не идентичными. Историческая палеография этой области — задача столь же увлекательная, сколь и актуальная — с несомненностью покажет тесную связь этих алфавитов, начиная с открытой во время недавних раскопок Чикагского восточного института в Персеполе остатков древнеперсидской надписи Дария арамейским алфавитом (VI в. до н. э.),² вплоть до курсива согдийских документов с горы Муг (VIII в. н. э.) или уйгурских, монгольских и манджурских документов. Тогда окажется, что дифференциация этих алфавитов шла по общему пути развития, изменяясь больше исторически-вертикально, чем географически-горизонтально-национально. Тогда объяснится, почему шрифт древнейшей согдийской надписи из находок в Тали-барзу (I в.)³ или согдийских писем, найденных в Дунь-хуане,⁴ хотя они согдийские (в особенности первой), ближе к арамейскому шрифту древнеперсидской надписи VI в. до н. э., чем к шрифту согдийских же документов VIII в.

В вопросах развития письма особую, хорошо известную палеографам роль играет материал, на который нанесены те или другие знаки, и условия, в которых производилась работа. Последнее в полной мере относится и к нумизматике. Отличия в шрифтах легенд домусульманских монет Средней Азии, относящихся приблизительно к одному и тому же времени (VII—VIII вв. н. э., как в данном случае) должны быть приписаны больше создавшимся штампам, технологии лития и т. д. в различных городах Средней Азии, чем коренному различию в шрифтах, которое могло бы быть отражено в документах на коже, бумаге или дереве. Не следует поэтому ожидать, что письменность Хорезма (Курдара, Ургенча) или Бухары (Варахша, Пунджиката), если она будет найдена

¹ С. Толстов. Монеты шахов древнего Хорезма. ВДИ, 1938, № 4.

² E. Herzfeld. *Altpersische Inschriften*. Berlin, 1938, S. 12.

³ А. А. Фрейдман. Древнейшая согдийская надпись. ВДИ, 1939, № 3.

⁴ H. Reichelt. *Die sogdischen Handschriftenreste des Britischen Museums*. II Teil, *Die nichtbuddhistischen Texte*. Heidelberg, 1931.

в документах на коже или бумаге, будет как-нибудь особенно отличаться от письменности Самарканда, Шахрисабза (Каша), Панджиканта (с горы Муг) или Центральной Азии (буддийские документы).

Давно известно, что в языках, обладавших письменностью разной давности или распространенности, устанавливался известный письменный шаблон, так называемая историческая орфография. (Положение в разной степени присущее современным письменным языкам.) Эта историческая орфография, с одной стороны, помогает выяснению исторических процессов, предшествовавших данной, определенной, стадии языка, с другой стороны, она же служит серьезным препятствием к установлению реальной структуры языка, в особенности его звуковой стороны, фонетики, если не фонологии. Коррективами здесь служат следующие моменты: 1) непоследовательность орфографии, недостаточная грамотность писца, вносящего, в моменты ослабления его внимания, „неграмотные“, т. е. фонетически верно отображающие его произношение приемы письма; 2) свидетельства иностранцев, воспроизводящих средствами своего языка и письменности живое слово или фразу данного языка; 3) аналогичный по значению предыдущему моменту переход по тем или другим причинам на новый алфавит. Последнее мы в значительном количестве наблюдаем после Октябрьской революции при латинизации и ныне при руссификации или грузинизации ранее имевших свою графику (главным образом арабскую) языков Советского Союза или зарубежных стран.

Этот переход на новую графику, или в данной исторической обстановке, точнее, создание новых письменностей, наблюдался в истории ираноязычных народов и стран неоднократно. В древности, к древнеперсидскому языку была приспособлена клинопись, были составлены древнеперсидские клинообразные надписи. Наряду с клинописью, как показывает остаток надписи Дария арамейским алфавитом, получил распространение арамейский алфавит. Последний употреблялся, очевидно, в записях более обыденного, менее лапидарного характера, в записях, не предназначенных для увековечения царей, в переписке и т. п.

Это письмо арамейского происхождения мы застаем в среднеперсидских надписях, в среднеперсидской, так называемой пехлевийской литературе и т. п., в парфянских параллельных переводах сасанидских надписей, в согдийском и манихейском алфавитах, в ныне засвидетельствованном монетами хорезмийском. Хорезмийские монеты подтверждают наши общие данные о распространении арамейских алфавитов в ираноязычных странах и указание Бейхаки о наличии в Хорезме своей письменности в XI в.

После завоевания ирано-язычных стран арабами, включения их в состав Халифата, экономика и вся надстроечная сторона жизни этих стран были вовлечены в культурно-экономический обмен Халифата. Арабский язык, арабская письменность, арабский алфавит получили распространение в ирано-язычных странах, в том числе и в Средней Азии. Среднеазиатские ученые пишут по-арабски. Как на один из моментов, иллюстрирующих внедрение арабской культурной стихии, арабского языка и алфавита в Средней Азии, может быть указано на названный уже остаток архива Диваштича: вся внутренняя переписка Диваштича ведется по-согдийски, согдийским алфавитом, письмо же к арабскому правителю Хорасана — по-арабски, арабским алфавитом. Письмо было написано лицом, по-арабски вышколенным. Арабский алфавит, соответственно приспособленный путем диакритических знаков,

вытесняет алфавиты арамейского происхождения. Арабским алфавитом пишут персы, курды, афганцы. Известны отдельные записи арабским алфавитом и на других языках (на осетинском). Наши хорезмийские цитаты свидетельствуют о внедрении арабского алфавита в подвергшемся мусульманизации Хорезме. По аналогии можно предполагать, что и в соседнем Согде применялся после мусульманизации арабский алфавит к согдийскому языку, пока он в культурных центрах не был вытеснен восточными говорами персидского языка, таджикским языком.

Внедрение новых алфавитов на смену старым позволяет, как было сказано, лучше наблюдать изменение наших языков, чем это можно было сделать, если бы они сохраняли, как, например, в персидском языке, письменность, введенную 2500 лет назад. Наши хорезмийские фразы XIII в., написанные арабским алфавитом, употребляющимся для этой цели, повидимому недавно, без традиции, которая могла бы получить более или менее широкое распространение, представляют собою, очевидно, безыскусственные записи в противоположность согдийским текстам (согдийско-буддийским, национально-согдийским с горы Муг), где уже имеется установившаяся историческая орфография, кое-где нарушаемая непоследовательностями (ср., например, выражение \dot{z} исторически двумя знаками $\dot{d}r$ или фонетически через \dot{z} , например, в слове $\dot{d}ry$, $\dot{s}y$ 'три', $k\dot{d}ry$, $q\dot{s}y$ 'теперь' и т. п.). Некоторые непоследовательности в огласовках объясняются, как можно судить, не ошибками или колебаниями переписчика XIV в., а затруднениями самого автора XIII в., не имевшего перед собою твердых орфографических норм, затруднениями, которые вставали перед ним на каждом шагу при любом комбинаторном изменении звуков. Но эти колебания не являются слишком серьезным препятствием в установлении основных фонем хорезмийского языка XIII в., основных морфологических категорий. Безыскусственность же записи дает гарантию, что перед нами живой хорезмийский язык XIII—XIV в., вскоре после этого вытесненный окончательно тюркским. Отдельные тюркские слова, в особенности же целые выражения, вставленные в наш скудный текст, говорят о том, что население, говорившее еще в XIII в. по-хорезмийски, было уже двуязычным. Монгольское нашествие, приведшее повсюду к усилению тюркской стихии, было основной причиной этого процесса исчезновения хорезмийского языка, как языковой нормы. Исследование словаря узбекских говоров Хорезма поможет выяснить остатки хорезмийского словаря, сохранившиеся в этих говорах.

Аналогия с хорезмийским языком, а также сохранение по сей день одного из согдийских говоров, так называемого ягнобского языка, на котором в настоящее время говорит весьма незначительное число людей (около 1500), заставляет отказать от ранее существовавшей точки зрения, главным образом на основании „Хронологии“ аль-Бируни, о том, что согдийский язык вымер к XI столетию. Согдийский язык территории Согда и близкие к согдийскому говоры прилегающих областей лишь постепенно уступали место восточно-персидским говорам, а те и другие — тюркским. Города, центры культурной, экономической жизни, торговые пути уступали этой волне раньше, но до сих пор сохранился еще в трудно доступной, высокой долине Ягноба согдийский говор. Когда аль-Бируни говорит о некоторых календарных терминах и институтах хорезмийцев и согдийцев, как о чем-то исчезнувшем из быта, забытом, то необходимо принять во внимание ту аудиторию, к которой аль-Бируни адресовал свои сочинения — широкую

аудиторию арабоязычного, или во всяком случае объединяемого арабским языком, как языком науки, ученого, образованного мира Халифата. Для этой аудитории согдийское и хорезмийское захолустье, двуязычное, сохранявшее свой язык лишь в своей среде, было *quantité négligeable*, оно для него не существовало, его на столбовой дорожке общей мусульманской учености могли не замечать, замечали его лишь отдельные пытливые географы или историки.

Изучение нашего советского собрания согдийских документов с горы Муг сравнительно с терминами, приведенными у аль-Бируни, и нашими хорезмийскими фразами дает лишние основания полагать, что иранские языки Средней Азии того времени представляли в сущности ряд переходных говоров. В 1938 г. в „Вестнике древней истории“ (№ 2) был издан один согдийский документ этого собрания, содержащий календарь (названия месяцев, дней месяца, дней недели) и названия лунных станций. Подобные календари представляли для того времени известный материал для составления гороскопов, без которых не могло обходиться ни одно более или менее серьезное предприятие. Оказалось, что названия, приведенные у аль-Бируни, как хорезмийские, представлены в нашем согдийском списке и, наоборот, в нашем списке отсутствуют некоторые названия, имеющиеся в согдийском списке аль-Бируни. Точно так же не идентичны, как выяснилось в связи с этим, календарные термины даже у самих согдийцев в собственной Согдиане (в наших документах с горы Муг) и в центрально-азиатских колониях (в манихейских документах).

При изучении языка согдийских документов необходимо, конечно, учитывать среду и место их составления. Согдийско-буддийские тексты писались, переводились с китайского и других языков буддийской культуры в уединении буддийских монастырей Центральной Азии; согдийско-манихейские составлялись в иранских манихейских общинах Центральной Азии, где языком манихейской церкви был, повидимому, персидский язык; согдийско-христианские (Евангелие и др.) — переводились с сирийского. Лишь наши документы с горы Муг и письма из Дунь-Хуана представляют непереводаемую литературу, если этот род письменности может быть назван литературой. Эти обстоятельства безусловно должны быть учтены при анализе стиля, синтаксиса, фразеологии и словаря соответственных текстов. Согдийско-христианские тексты (в особенности Евангелие) представляют рабский перевод, почти кальку, с сирийского. Недоразумения в согдийско-буддийских текстах часто объясняются тем же влиянием оригинала, с которого делался перевод, иногда его непониманием. Относительно большое количество персизмов и парфянизмов в согдийско-манихейских религиозных текстах обусловлено указанным уже симбиозом иранцев различных языков в одной общине с преобладанием персидского языка, как языка церкви. Поэтому более молодая стадия языка христианских текстов скорее должна быть отнесена за счет большей оторванности от национальной согдийской письменной традиции, чем свидетельствовать о том, что живой язык согдийцев-христиан Центральной Азии действительно представлял значительно более молодую стадию развития, хотя на основании сравнения с современными языками не приходится отрицать вероятность некоторых в нем сдвигов.

В одной из названных статей в ЗИВ уже было приведено краткое описание фонологической системы хорезмийского языка. Сравнительно с системой согдийского языка она отличается от последней, особенно

в отношении отражения древне-иранской палатальной аффрикаты \check{s} . Согдийский язык, насколько можно судить по имеющимся данным, во всех говорах сохранил древне-иранскую палатальную аффрикату, не изменяя ее в зубную *s*. Имея только один ряд переднеязычных аффрикат, он является в этом отношении исключением из восточно-иранских языков (согд. *pnčs*, хорезм. *pīncās* 'пятьдесят', осет. *fondz* 'пять'). В западной группе восточно-иранских языков отмечается перед передними гласными (*i*) смягчение зубного взрывного (*t*). Это смягчение может быть отмечено уже для VIII в., поскольку оно (спорадически) засвидетельствовано в согдийских документах. И в отношении этого последнего согдийский язык обнаруживает такое же отличие от хорезмийского и осетинского, как и в отношении отражения древне-иранской палатальной \check{s} , а именно: в согдийском она представлена как \check{s} , в хорезмийском и осетинском как *s*, например, согд. преф. *pč-*, *γčy* 'есть', ягнобск. *wiči* 'есть', хорезм. преф. *pic-*, *akic* 'делает', *ic* 'идет', осет. *kænync* 'делают' (во всех последних примерах — третье лицо ед. или мн. числа наст. вр., оканчивавшаяся в древне-иранском на *-ti*, *-nti*). Так же как и в других восточно-иранских языках, в хорезмийском языке палатальная аффриката \check{s} может быть показана в заимствованных словах, в данном случае из персидского и тюркского (например چارطاق 'навес', چرم 'кожа').

Историческое развитие др.-ир. ϑ^r склонялось к упрощению и к стяжению в один звук, — линия развития, наблюдаемая уже в древнюю эпоху в древне-персидском, где этот звук отражался в качестве какого-то близкого к зубному, но точнее не определяемого сибиланта (например др.-ир. **piv ϑ^r a* 'сын', др.-перс. *piv ϑ^r a*, ср.-перс. *pus*). Это отражение сказалось в хорезмийском так же, как и в согдийском, неодинаково, в зависимости, очевидно, от положения (в анлауте или инлауте, перед разными по качеству гласными, ударенными или неударенными). Так, ϑ^r отражено через \check{s} в таком слове, как *šē* 'три', в том же самом слове в сложении с другим словом: *arcivak* 'треть', где поддержанный протетическим гласным сохранился древний комплекс ϑ^r с перестановкой, как в осетинском *artæ* 'три', и смягчением. Третье отражение ϑ^r — это переход его в *hr*, как в парфянском *hrē* 'три', *hrētōn* 'Феридун', например *purak* 'сын' (с утерей *h*), — переход общий для северо-западных говоров Ирана, ср.-перс., заимствованное из северо-западных говоров *puhr*. Эти три отражения др.-ир. ϑ^r налицо и в согдийском (цитированное ранее *qšy* 'теперь' < *kδry*, где \check{s} < ϑ^r , *mrtš'r* 'сюда' — др.-ир. < **ima ϑ^r rasara*, и перс. فغفور 'богдыхан', очевидно, как показывает начальный спирант, — заимствование из согдийского $\beta\gamma + pwr$ 'божий сын' (или, точнее, из согдийско-парфянского, так как само слово *pwr* не засвидетельствовано в согдийском, в котором 'сын' — *z'tk*). Хорезмийский вместе с согдийским и другими восточно-иранскими языками отразил древний звонкий взрывной соответственным звонким спирантом: др.-ир. *gauša* 'ухо' > согд. *γwš*, осет. *hos*, ср.-ир. *grab-* 'брат', 'понимать' > согд. *γrβ*, хорезм. *γiβya* 'считать' и *xif* (с оглушением) 'брать'.

Вместе с согдийским и большинством других восточно-иранских языков сохранил хорезмийский язык древние зубные спиранты, звонкую δ и глухую ϑ : хорезм. *ياؤد* 'жена', согд. *wδw* тоже; хорезм. *δayd* نعد 'твердый', авест. *δaxta-*, перс. سخت, в согд. многочисленные примеры: *wδy* 'там', *δβr* 'давать' и т. д.

Формы, подобные приведенной только что *δayd* — причастие прошедшего времени со звонким зубным в конце после звонкого спиранта, —

уже обратили на себя внимание в согдийском (*swyt, w'yt*),¹ но не получили объяснения. Подобные причастия известны из гатского диалекта авестийского языка, а также из осетинского и других восточно-иранских языков, например осет. *sahd*. Эти формы представляют собою закономерное отражение причастия прошедшего времени в корнях, оканчивавшихся на звонкие аспираты, в арийских (индо-иранских) языках по закону Бартоломе, согласно которому звонкие аспираты таких корней теряли придыхание, а зубная конечная морфема причастия *-ta* превращалась в звонкую аспирату; так, в санскрите *budh-* — прич. прош. вр. *buddha* — и т. д. Эти формы уже в древне-иранских языках (персидском, авестийском) претерпевали изменения, выравниваясь по типу причастий с глухим конечным согласным корня, вследствие чего и образовались в персидском формы: *suxta, saxta, gufta* вм. *suɣda, saɣda, guβda*. Сохранение таких форм в согдийском, хорезмийском и осетинском, наряду с гатским диалектом, в противоположность древне- и ново-персидскому и авестийскому, указывает на диалектический характер этих чередований *ɣayd* || *saxt*, не вызванный историческими изменениями. Формы со звонким зубным в конце и звонким проточным перед ним, первоначально причастные, получили в этих языках (согдийском, хорезмийском, осетинском) распространение и на другие категории слов, подобные им в исходе (*Auslaut'e*), например, согд. *'βt* 'семь', хорезм. *اڤڤ*, осет. *avd*, шугн. *viwvd* в противоположность перс. *haft* 'семь'.

Огласованность хорезмийских фраз позволяет установить в этом языке, между прочим, склонность к переходу гласного *a* к более передней и верхней артикуляции перед переднеязычными согласными или после них, ср. *fitmick* 'первый' др.-ир. — **fratamačaka*, согд. *prtmc'yk* или *sid* 'сто'. Эта тенденция наблюдается и в других иранских языках, но не в такой степени.

Колебания в начертании слов, заимствованных из арабо-персидского источника, слов, в которых в арабо-персидском засвидетельствован *'айн* или велярный *ق*, а которые в хорезмийском пишутся то с *'айном*, то с *алифом*, с велярным *ق* или средненёбным *ك*, эти колебания могут свидетельствовать о том, что 1) в хорезмийском не существовало фарингальной взрывной фонемы, что и естественно было предполагать; но что, 2) вероятно, в нем не существовало еще и той фонемы, которая ныне выражается знаком *ق* и существует в языках Средней Азии, в том числе в иранских. Такое же положение было и в согдийском языке, письменность которого знала *'айн* только в семитических идеограммах (в согдийско-буддийском), или в словах, заимствованных из сирийского (в согдийско-христианском), а велярного *ق* не было вовсе (наличие буквы *ق* в христианских текстах, написанных сирийским шрифтом, обусловлено лишь сирийским письмом и не свидетельствует о наличии фонемы *ق* в языке согдийцев-христиан; так же точно и некоторые другие особенности в орфографии этой письменности недостаточны для выводов об особой специфике христианско-согдийской фонологии). Такое слово, как персидско-таджикское *سڤڤ* 'серебро', считающееся словом арабского происхождения, звучало по-согдийски *nkr't'k* с *k* средненёбным и иранским суффиксом *-k* в конце, свидетельствующим о том, скажем мимоходом, что данное слово хорошо обосновалось в Средней Азии и заимствование его непосредственно из арабского должно быть поставлено под сомнение.

¹ *t* — выражает здесь (после звонкого) звонкую взрывную.

Представляя собою тип цокающего языка, как осетинский и ряд других восточно-иранских языков, хорезмийский язык, кроме названной уже глухой палатальной *č*, обладал соответствующей звонкой *j* только в заимствованных из арабо-персидского источника словах (например *چک* 'документ').

Хотя соответствующая глухой зубной аффрикате *c* звонкая *dz* не выражена особым знаком, наличие ее в хорезмийском может быть показано на основании косвенных данных. Вероятно, фонема эта была неустойчивой (оглушалась или чередовалась, переходила в другие).

Одной из характерных особенностей восточно-иранских языков является исчезновение в них древне-иранского гортанного спиранта (глухого или звонкого) *h*. Современные живые восточно-иранские языки знают *h* в новых, заимствованных главным образом из персидского, словах (в языках, находившихся в орбите персидского культурно-экономического влияния); появляется *h* также в новообразованиях, в словах, выражающих повышенную эмоцию, в междометиях; в этих случаях трудно сказать, является ли *h* самостоятельной фонемой (ср. осетинское *hæj dzidi* и *æj dzidi* 'ол увы!'). Согдийское письмо не обладает особым знаком для выражения звука *h*; этого последнего, повидимому, и не было в языке. Если этот знак *h* и встречается иногда в конце слова, то он служит лишь орфографическим знаком. Как полагают, его назначением было указывать на слова женского рода.

В хорезмийском языке имеется известное количество слов с *h*. Анализ этих слов еще не доведен до конца, и в настоящее время затруднительно сказать что-нибудь положительное о роли этой согласной. Поскольку, например, все хорезмийские числительные показывают закономерное, ожидаемое в хорезмийском, развитие древне-иранских числительных и не являются заимствованиями из персидского языка, то наличие числительного *هزار* 'тысяча' с *h*, единственного числительного идентичного с персидским *هزار*, не давало бы, как кажется, основания считать его таковым заимствованием, а давало бы известное основание заключать о сохранении в хорезмийском *h*. Но исчезновение этого же *h* в другом числительном *اَفت* 'семь' (перс. *هفت*) и в ряде других слов дает основание судить об обратном.

Сравнительное изучение согдо-хорезмийской морфологии оказалось весьма плодотворным. Морфологические категории хорезмийского языка освещались соответственными, уже отмеченными и разъясненными согдийскими. Хорезмийские — помогли выявить и определить некоторые факты согдийского языка, засвидетельствованные в текстах, но остававшиеся незамеченными, не зарегистрированными в грамматике или неправильно читавшиеся или истолковывавшиеся.

Наши хорезмийские материалы позволили без особого труда отметить в этом языке наличие артикля, уже засвидетельствованного в согдийском, — категории, хорошо представленной в этих языках несколькими местоимениями, с различными оттенками ослабленной значимости основной местоименной функции. Обнаружение артикля в хорезмийском выяснило особый характер анлаута в хорезмийских словах, начинающихся с *y*, приведенных аль-Бируни. Этот анлаут оказался артиклем *i*, *yā*, абсорбированным словами, начинающимися с гласного. Эта абсорбция вызвала в свою очередь возникновение постпозитивного артикля *نى*. Последний легко может быть показан в согдийских текстах, но до сих пор не отмечен в грамматике.

Склонение имен существительных показывает наличие нескольких падежей (трех или четырех); оно представляет редукцию древне-иранского склонения, развивающуюся по тому же пути, что и в согдийском, с род. падежом на *i*, винительным на *и* — в коротких основах и, вероятно, без оформления — в долгих основах и с местным падежом, формальное отличие которого от родительного не поддается пока более точному определению (не лишним будет отметить при случае, что в осетинском языке род. и местн. падежи ед. числа совпадают и что разьяснение осетинского *locativ'a* должно идти по тому же пути, что и в хорезмийском и согдийском, а не выводиться из *genetiv'a*). Потребности уточнения падежных отношений вызвали появление новых аналитических образований с предлогами и послелогоми, в большинстве известными по согдийскому и другим восточно-иранским языкам (предлоги *fi*, *pa*, послелоги *sar*, *ḍāra*). Категория рода точнее определяется артиклем. Слова женского рода (вероятно, определенная группа этих слов) оканчиваются на *a*. Распределение слов по родам в целях выяснения генезиса этой категории в хорезмийском и связи с древне-иранской еще не производилось. Для других иранских языков подобная работа уже осуществлена в советской науке и оказалась плодотворной.¹

После утери показателя категории множественности древне-иранских языков (окончания им. п. мн. ч.) эта категория могла не обозначаться вовсе, и неоформленные имена могли и могут обозначать множественное число и согласоваться со сказуемым во множественном числе в том случае, если эти слова выражают понятия собирательные. По этому пути шло в иранских языках развитие новых показателей множественности; в этой функции стали выступать различные форманты, образовывавшие собирательные имена, и таким образом возникла единая категория слов, со значением коллективности-множественности, с формантами коллективности или без них. Такого происхождения персидско-таджикский формант *ه*, восходящий к древне-иранскому форманту *-dva*. Таков и восточно-иранский показатель — *t*, восходящий к древне-иранскому — *tā*, рядовой показатель множественности в согдо-ягнобском и осетинском (*tə*) языках. Этот же показатель с указанным раньше смягчением *t* в *s* налицо и в хорезмийском *ای رعیشخیه* 'его подданные', *ای خواجخیه* 'его ходжи' اقروخ 'брови'. Пассивная конструкция переходных глаголов в прошедшем времени, которая была свойственна всем иранским языкам в той или другой степени и которая еще и сейчас сохраняет свою жизненность в различных иранских языках, возымела глубокое влияние на изменение структуры иранских языков, поставив логическое подлежащее в косвенном падеже. Таким образом падежом субъекта становился бывший косвенный падеж, в большинстве иранских языков родительный. Так возник один из показателей множественного числа в средне- и ново-иранских языках.

Окончание род. п. мн. ч. в древне-индо-иранских гласных основах *-ānām*, *-īnām*, *-ūnām*, несколько редуцированное, дало средне- и ново-иранское окончание мн. ч. *-ān*, *-īn*, *-ūn*. Оно хорошо известно из персидского *-ān*, изредка встречается в согдийском и ныне засвидетельствовано в хорезмийском *-na: pi sid dīnārna* за 'сто динаров', *hazār parasna* 'тысяча разводов', *نایبناه* 'его наибы'.

¹ Л. А. Хетагуров. Категория рода в иранских языках. Уч. зап. ЛГУ, № 20, Л., 1939.

Аналитический строй особенно ярко обнаруживается в хорезмийском глаголе. Несмотря на относительно небольшое количество сохранившихся фраз, благодаря тому, что в них содержатся разнообразные условия, формулы, в последних довольно богато представлены временные и даже модальные категории. Мы не только получаем известную картину хорезмийского глагола, но, как и в других частях, лучше уясняем себе и структуру согдийского глагола. Засвидетельствованы следующие временные и модальные образования в хорезмийском языке. Настоящее время изъявительного наклонения; эта форма продолжает собою соответствующую древнюю; обращает на себя внимание довольно большое количество некаузативных глаголов по классу на *-aya-* (*ḍāriyām* и т. п.); это заставит внести некоторый корректив, диалектически уточнить демаркационную линию в известной карте распределения основ на *-aya-* и *-a-* в иранских языках, согласно которой класс на *-aya-* представлен в основном западно-иранскими, а класс на *-a-* — восточно-иранскими языками. Одной из глагольных категорий в хорезмийском языке, а именно образованию прошедшего времени, уже была посвящена статья в „Ученых записках ЛГУ“ (№ 60, 1940 г.). В этой статье были показаны три типа образования прошедшего времени от основы настоящего. Хорезмийский язык вместе с согдийским (согдо-ягнобским) являются единственными иранскими языками, сохранившими это старое образование (в других языках, как уже было сказано, старое прошедшее время было вытеснено пассивной конструкцией, т. е. причастным образованием). В них (в хорезмийском и согдийском языках) вследствие того, что прошедшее время не восходило к пассиву, меньше отразилась перестройка предложения. В этой статье было показано сохранение индо-европейского аугмента и своеобразное развитие его в определенной группе глаголов (имеющих в первом слове гласный *a* или *r* *sonans* (они удлиняют этот гласный в прошедшем времени: *pacuz-* || *pācuz-* 'принимать'), — развитие параллельное, но не идентичное согдийскому; на последнее уже было обращено внимание ранее Рейхельтом.¹ О живучести аугмента в среднеазиатских иранских языках свидетельствует сохранение его по сей день в ягнобском языке, притом в форме совершенно идентичной с древне-арийской (*kipām* 'я делаю', *akunim* 'я делал'. В статье было показано и разъяснено образование прошедшего времени во второй группе основ (в основах, начинающихся с гласного). Эти глаголы имеют в прошедшем времени в аналауте согласный *m* (*mikkin* 'я сделал' от *ikkam* 'я делаю'). Была показана природа этого форманта, ее происхождение из индо-иранского наречия-частицы (авест. *mat*, санскритск. *sma*), имевшей модально-временное аналогичное значение в санскрите: *prativasati sma* 'жил', 'проживал'. Это дало возможность объяснить и соответствующую группу согдийских глаголов, имевших *m* в прошедшем времени.

В парадигмах глаголов обращает на себя внимание окончание 2-го л. ед. ч. прошедшего времени и желательного наклонения — *ix*, конечный согласный которого — *x* представляет отражение древне-иранского optativ'a от существительного глагола *ah-* 'быть' (соответственная форма **haih*) — форма, сохранившаяся в таких сочетаниях, как средне-персидское *hē* (*guft hē*), ново-персидское *gufti* (т. н. *yāi šarṭ*, *yāi hikāyat*). Эта форма с конечным *-x* также может быть показана в согдийском, но

¹ Hans Reichelt. Beiträge zur sogdischen Grammatik (Studia Indo-Iranica. Leipzig, 1931).

она равным образом до сих пор не отмечена. Окончание 1-го л. мн. ч. *-tana*, *-tini* (чередование гласных вызвано здесь, вероятно, модальными оттенками), известное из сакского языка (*hätatane*), представляет, вероятно, отражение древнего медиального причастия (ср. соответственное окончание 2-го л. мн. ч. в латинском языке: *proficiscimini*). И это окончание может быть показано в согдийском *βy'ymn*,¹ и оно также не отмечено. 3-е л. мн. ч. обоих времен наст. и прош. оканчивалось на *-ar*. Окончания с *-r* известны в индо-европейских языках, начиная с хеттского языка, засвидетельствованы в латинском, тохарском, из иранских — в авестийском, сакском и в современном ягнобском. Окончания с элементом *-r* в хеттском языке связываются с так называемым гетероклитическим чередованием в склонении *r/n*: в именительном (*r*) и (*n*) в косвенных падежах.

На этих соображениях, приведших к весьма интересным палеонтологическим исследованиям в области индо-европейской грамматики, здесь останавливаться не место. Для нашей цели достаточно здесь указать на наличие этого окончания в иранских языках, начиная с авестийского, и на то, что оно засвидетельствовано в восточно-иранских языках.

Аналитические образования в хорезмийском глаголе весьма богаты, хотя соответственные формы и не могут быть, как естественно ожидать, представлены целыми парадигмами. Они особенно пригодны для выражения различных оттенков модальности и вида. Таков, очевидно, их генезис во всех языках.

Будущее время образуется, как и в согдийском, сложением форм настоящего времени с частицей (неизменяемой формой), основой глагола *kām* со значением 'желать': *ikkām kām*. Наряду с этим эта же частица может присоединяться и к желательному наклонению, образуя особое сложное желательное наклонение: *ikkih kām* (2-е лицо), оттенок значения которого в данном скудном материале пока не удалось выяснить. Эти формы желательного наклонения, простая и сложная, засвидетельствованы в наших фразах вследствие того, что значительная их часть представляет различного рода условные предложения, условия реальные и ирреальные.

Сложное желательное наклонение, аналогичного с хорезмийским образования, имеется и в согдийском (*δβ'ry k'm*), но опять-таки не отмечено в грамматике. В согдийском языке имеется даже повелительное наклонение с частицей *k'm* (*'s k'm*), также не отмеченное в грамматике.

Близкое по значению и аналогичное по образованию к формам желательного наклонения представляет образование, состоящее из личной формы прошедшего времени и неизменяемой частицы *منخاڭ*, восходящей к причастию прошедшего времени (-3-му лицу прошедшего времени) от глагола *tāp*- 'оставлять, оставаться'.

Сложные образования с глаголом *tāp*- известны из среднеперсидского (манихейско-турфанского) и таджикского языков, где они, несколько другого типа, чем в хорезмийском (любая личная форма от глагола *tāp*+причастие прошедшего времени глагола), выражают законченность начавшегося действия.

Указанная хорезмийская форма выражает, повидимому, так наз. второе будущее, *praeteritum futurum* 'прошедшее в будущем', особый вид

¹ H. Reichelt. Die sogdischen Handschriftenreste, I. Heidelberg, 1928, S. 32.

условного наклонения типа немецкого *er wird gesagt haben*. Эта хорезмийская форма и переводится соответственно по-персидски вторым будущим: (хорезм.) *فلان را آواز داده باشم* (перс.) *یانانامی دار مرغندنا منشاخ* ('я позвал бы, я позову').

Модальное значение (потенциальности) имеют в хорезмийском, как и в согдо-ягнобском и сакском языках, образования сложные из причастия прошедшего времени и личных форм от глаголов со значением 'делать': в хорезмийском *ikk*, в ягнобском *kun*—(оба < *kar-*), в согд. *wn-*, в сакском *yaun-* (например *نیټکیخ* 'не может взять').

Богатое развитие имели, как показывают остатки в наших фразах, сложные прошедшие времена типа западноевропейских форм с *haben*, *avoir*, а также *sein* и *être* (менее богато представленная категория).

В хорезмийском и согдийском вспомогательным глаголом служил глагол *δ'г* 'иметь'. Он образовывал перфект и прежде-прошедшее время, притом как от переходных, так и непереходных глаголов, например, *ایدک دارید* 'пришла (раньше)'. Засвидетельствовано от этих форм в хорезмийском не только изъявительное, но и желательное наклонение. Последняя форма представлена и в согдийском *'krtw δ'r'n*; она также в грамматике не отмечена.

Краткий обзор диалектологических отношений в рамках сообщения не позволил остановиться на других моментах, имеющих значение в показе общности структуры обоих языков.

В частности, здесь не обозрены местоимения и числительные, не показана и лексика. Более обстоятельный анализ будет сделан в другом месте.

Основное, чего хотелось достигнуть, это показать научно-теоретическое значение сравнительного изучения двух языков. Параллельное изучение обоих языков помогло освоить новый хорезмийский языковой материал и отметить и разъяснить неясное, не разъясненное до сих пор в согдийском.

Ленинград
Июнь 1941 г.